

390.989

ОКтябрь

ЛИТЕРАТУРНО — ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ

И ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

6

КНИГА

июнь

1947

Книга о Чехове*

Книга В. Ерилова «Чехов» вышла в серии «Жизнь замечательных людей» издательства «Молодая гвардия».

От обычного биографического очерка она отличается очень многим. Мы не найдём в ней ряда эпизодов и подробностей, широко использованных другими биографами Чехова. Мы не найдём в ней мелочного изображения чисто литературных отношений 80—90-х годов.

Для В. Ерилова биография художника — это прежде всего его творческий путь. По мнению автора книги, анализ лучших и наиболее показательных для различных периодов творчества Чехова рассказов, таких, как «Стень», «Враги», «Крыжовник», «Палата № 6», «Невеста», полнее раскрывает сущность жизни писателя, чем кропотливое исследование всех перипетий его личной судьбы.

Это не значит, что В. Ерилов пренебрегает общественной и личной биографией художника. Но в жизни Чехова он выбирает те черты, которые определяют социальный, творческий, моральный облик писателя. Облик этот В. Ерилов рисовал не только с точностью исследователя, но и с изобразительной силой художника. Герой его литературоведческой книги вызывает благодарное чувство читателя, которое обычно рождает лишь положительные герои беллетристических произведений.

На материале, ярком и интересном, В. Ерилов показывает, как формировалась личность и дарование великого русского художника, как он боролся с личными и общественными обстоятельствами — крайне неблагоприятными, — как воспитывал в себе мужество, бесстрашие мысли, человеческое достоинство, любовь к труду.

Социально-педагогическое значение работы В. Ерилова очень велико. Написана книга хорошо и просто. Читателя, молодого и взрослого, ищущего и неискующего в вопросах литературы, она в равной мере учит тому, что основа человеческой жизни — это творческий труд, что человек — хозяин своего дарования, что талант — «биологическая одарённость», — это ещё полдела. Для того чтобы талант стал силой, воздействующей на общественную жизнь, необходимо с большой беспощадностью к

себе каждый день бороться за правильное его развитие, никогда не забывать о той огромной социальной ответственности, которую одарённость накладывает на человека.

Каковы же для В. Ерилова основные черты чеховского дарования? С какими традициями русской культуры связывает он творчество Чехова?

В одной из статей о литературе Горький говорит о русских реалистах XIX века как о людях, интеллектуально переросших свою среду. Но человек, даже самый гениальный, не может перерасти свою среду, так сказать, питаясь самим собой. Если он её перерос, — это значит, что корни его творчества пошли глубже среды, коснулись самых основ народной жизни. Из этого следует также, что изображение действительности в творчестве такого художника, несмотря на всю реалистическую объективность, будет в судом над действительностью, защитой её светлых, прогрессивных, жизненных сторон, осуждением сторон тёмных, реакционных, обречённых на смерть самым разумным и поступательным ходом исторического процесса. Нет, несмотря на всю свою объективность, русская классическая литература, с её социальным и гуманистическим пафосом, никогда не была объективистской.

Эти для иных писателей — натуралисты Запада — примеры социального зла и уродства были «нормальным» явлением, требующим лишь естественно-научной классификации.

Но для Гоголя, Щедрина, Некрасова, Чернышевского, Толстого угнетатель, тупедец, холуй были отклонением от нормы, извращением тех высоких представлений о человеке и его жизненных задачах, которые присутствовали в их сознании, ишлась иногда прямой, иногда сложной, противоречивой, но глубокой связью с историческими чаяниями и устремлениями народа.

Этическое начало, веру в единство прекрасного и нравственного, социальные симпатии и антипатии автора, пафос социального воспитания, пронизывающий русскую литературу, нетрудно обнаружить и в почти романтической патетике Гоголя, и в богатырских образах народных героев Некрасова, и в прямом моральном проповедничестве Толстого.

* В. Ерилов. «Чехов». «Молодая гвардия», 1947.

Этот пафос столь же легко обнаружить и в замечательных письмах и высказываниях Чехова:

«Тогда человек станет лучше, когда вы покажете ему, каков он есть».

«Чувство красоты в человеке не знает границ и рамок».

«Человеку нужно только три аршина земли. — Не человеку, а трупу. Человеку нужен весь земной шар».

Но в творчестве своём Чехов ведёт борьбу особыми методами. Для того чтобы понять, против чего и за что борется Чехов, исследователь должен раскрыть подтекст светлого юмора Антоши Чехонте, приподнять покров строго-объективного повествования, окутывающий социальный пафос зрелого чеховского творчества.

Эту нелёгкую задачу и взял на себя В. Ермаков.

Молодого Чехова можно было воспринять — это делали многие его современники — как «неправильного юмориста», насыщающего лёгкий, развлекательный жанр несвойственными ему элементами социальной сатиры. В. Ермаков показывает, что на задворках литературы, в журнальчиках-эфемеридах, формировался не «неправильный юморист», а «правильный сатирик», «гадкий утёнок» андерсеновской сказки, непохожий на молодые особи ослепляющей литературной среды. Под волшебными пальцами художника-новатора герой бытовой сценки, столь излюбленной городским мещанином, становится унтером Пришибеевым, то есть таким же монументальным и исторически конкретным обобщением социального зла, как Иудушка Головлёв и Угрюм-Бурчеев у Щедрина, как Хлестаков и Чичиков у Гоголя.

И если в ранних рассказах Чехова нетрудно уловить, кто его враг, то так же легко понять и кто друзья художника. «Уже в ранних рассказах, — справедливо говорит В. Ермаков, — Чехов выступает как художественный представитель «маленьких людей», их друг и защитник».

В книге В. Ермакова есть немало примеров талантливого анализа различных произведений Чехова, раскрывающего их идейный и поэтический смысл.

Но центральной в книге всё же остаётся глава «Друзья и враги Чехова». Именно в ней мы найдём ключ к авторскому пониманию мировоззрения и творческого метода художника.

Глава эта основана на углублённом анализе, идейном и эстетическом, одного из чеховских шедевров — рассказа «Враги».

Как и все произведения зрелого Чехова, рассказ этот написан в строго объективной манере. Внешне оба героя рассказа — бога-

тый барин Абогин и земский врач Кириллов — поставлены в равные условия. Оба они перенесли тяжёлое личное горе. У Кириллова умер от дифтерита ребёнок. Абогина бросила жена. Она притворилась смертельно больной, уснула мужа за врачом и, пока Абогин ездил за Кирилловым, сбегала с любовником. Внешне Абогин ни в чём не выповат перед Кирилловым. Ведь, отрывая доктора от смертного одра единственного сына, от убитой горем жены, он не знал, что отрывает его зря. И внешне ссора между Кирилловым и Абогиным может показаться столкновением двух озлобленных личным горем людей, несправедливых друг к другу.

Но исследователь поднимает покров чеховской объективности, обнаруживает самую поэтическую суть рассказа, его идею.

И эта суть, эта идея, воплощённая во всём сплелении образов и деталей, говорит о том, что для Чехова прав в своём гневе Кириллов. Его горе — трудового человека — было истинным и высоким, а горе барина-паразита на поверку оказалось пошлостью, оскорбительным фарсом. И оказалось не случайно, потому что нет правды, нравственности, красоты во всей якобы «утончённой» и «красивой» жизни туеядцев. Красота, поэзия, музыка жизни — только у людей труда.

Этот вывод В. Ермакова не только убедителен, но и глубоко правилен.

Да, действительно, прекрасное для Чехова совпадает с нравственным. И основой нравственности и красоты для него является труд.

Тунеядец, паразит, угнетатель, холуй для Чехова неприемлемы и этически и эстетически, какой бы внешней красотостью ни была прикрыта их суть. Прелестная Ариадна («Ариадна») для него ничем не лучше «жабы», мракобеса Рашевича («Жаба»), и «птичка»-княгиня («Княгиня») стоит для Чехова в одном ряду с приставом-хамелеоном («Хамелеон»).

Да, действительно, друзья Чехова — это Кириллов («Враги») и Дымов («Попрыгунья»), земский врач («Княгиня»), сельская учительница («На подводе») — «маленькие люди», чистые, скромные, благородные.

И здесь — в любви и уважении к массовому герою, рядовому труженику, — живёт та связь Чехова с Горьким и с советской литературой, о которой говорит В. Ермаков.

Но, развивая это правильное и глубокое положение в дальнейших главах, В. Ермаков, допускает преувеличение, связанное с некоторыми неверными положениями его хорошей книги.

Горький говорил о том, что каждого действительно великого художника должно рассматривать и как сына своего времени и как участника всемирноисторической борьбы за освобождение человечества. В книге В. Ермакова очень резко акцентирована вторая часть горьковского формулы. Связь творчества Чехова с завтрашним днём, то предчувствие свободной и прекрасной жизни, которое заключено в таких произведениях, как «Вишнёвый сад» или «Невеста», стоит в центре внимания исследователя. В этом идейная и поэтическая сила многих глав книги.

Но ведь историческое «завтра» не валится с неба. Оно миллионами ростков прорастает сквозь сегодняшний день. И для того, чтобы связь творчества Чехова с будущим была раскрыта точно и глубоко, необходимо определить, в какой мере оно связано с наиболее передовыми тенденциями той эпохи, из которую оно возникло, в каком отношении оно стоит к тому завтрашнему дню народа, который слагался и в 80—90-х годах.

Всё, что сказано В. Ермаковым о 80-х годах в главе «В те годы дальше, глуше», бесспорно. «Победоносцевский период» — эпоха реакции Александра III — действительно был безвременьем, и рядовые российские граждане, даже субъективно честные и порядочные, действительно боялись в ту пору «громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боялись помогать бедным, учить грамоте».

Но здесь у этой эпохи реакции была и вторая сущность. Об этом правильно говорит сам В. Ермаков в главе «Трудное время»: «Да, та самая эпоха, которая известна, как безвременье, вместе с тем вошла в историю родины, как эпоха выработки нового мировоззрения».

Но эту — основную — сущность эпохи, которая была временем выработки мировоззрения революционного марксизма, автор характеризует гораздо более бегло и кратко.

Мы не найдём в книге не только анализа социально-экономических отношений эпохи, но и развёрнутой характеристики её идейно-политического содержания, интенсивной работы русской революционной мысли, тех творческих побед, которые одерживали в ту пору во всех областях знания русские учёные-материалисты, той будничной и великой войны за культуру, за просвещение масс, которую вела целая армия демократической интеллигенции, вышедшей из низов.

Если бы анализ эпохи, данный в книге В. Ермакова, был более глубоким, облик Чехова, несомненно, предстал бы перед читателями в несколько ином, чем сейчас.

Он во всех своих чертах — сильных и слабых — приобрёл бы большую историчность. В характеристике мировоззрения Чехова не было бы тогда тех преувеличений, которые есть в книге сейчас. Ведь Чехов, в разрез со многими верными утверждениями В. Ермакова, становится порою в его книге почти революционным марксистом, и положительный герой Чехова — «маленький человек-труженик» — не приобрёл бы тогда в книге В. Ермакова черт «великого маленького человека», и творчество Чехова не переходило бы в книге порою в «горьковское» качество.

Нет, «великий маленький человек» не был героем Чехова не потому, что он не существовал в ту пору, когда Чехов создавал свои произведения, а потому, что Чехов не смог изобразить его. Черты всемирноисторического величия в характере и деятельности рядового труженика показал Горький — зачинатель социалистической литературы. Он первый взглянул на «маленького человека» не как на объект для жалости и сострадания, а как на носителя самых прекрасных и могучих сил, способных изменить общественное устройство и дать человеку труда все человеческие права.

Несомненно, образ «маленького человека» в творчестве Чехова претерпел большие изменения. От «мелюзги» ранних рассказов до Дымова огромная дистанция. И всё же Дымов, который мог стать не только положительным героем художника, но и положительным героем эпохи, таким в творчестве Чехова не стал. «Маленький человек-труженик» показан Чеховым не с точки зрения того будничного и великого общественного подвига, каким были его труд, его деятельность, а с точки зрения тех личных, сопровождающих обстоятельств, которые сужали его общественные возможности, делали жизнь этого талантливого, доброго, благородного человека «ненормальной».

«Роман значительно продвинулся вперёд и сел на мель в ожидании прилива», — писал Чехов Плещееву в 1889 году. — «Посвящаю его вам — об этом я уже писал. В основу сего романа кладу жизнь хороших людей, их лица, дела, слова, мысли и надежды. Цель моя убить сразу двух зайцев: правдиво нарисовать жизнь и к стати показать, насколько эта жизнь уклоняется от нормы».

Горький в своём творчестве неустанно показывал, как сквозь жирный пласт всякой скотской дряни победно прорастает «доброе — человечье». Чехов же, раскрывая то прекрасное, человеческое, которое «скрыто в обыкновенном» (В. Ермаков), так же неустанно показывал, насколько это пре-

красное хрупко, нестойко, как легко оно гибнет и разлагается среди условий жизни, «уклоняющейся от нормы». Отвергая малые, убогие нормы либералов и народников — в этом его историческое величие, — Чехов не смог стать прямым сторонником той великой нормы, которая сделала бы для него прекрасное стойким в повседневной жизни.

Е мысли о том, что человек может стать даже в условиях буржуазно-помещичьего общества не рабом обстоятельств, а хозяином своей судьбы, Чехов подошёл лишь к концу жизни, когда вся почва царской России содрогалась уже от подземных ударов надвигающейся революции.

Главы книги В. Ермалова, анализирующие последний этап чеховского творчества, написаны хорошо. Следуя за Чеховым от «Чайки» к «Трёх сёстрах», «Вишнёвому саду», «Невесте», В. Ермалов с подлинно художественной силой показывает, как нарастает в творчестве Чехова светлый пафос освобождения, как наплывает на его героев виденье будущего — близкого будущего, — тех очистительных бурь, тех великих перемен, которые уже при дверях.

И вместе с тем В. Ермалов совершенно прав, не отделяя последнего этапа творчества Чехова от всего его творчества в целом.

Есть периоды в общественной жизни, когда беспомощность в критике всех ненормальностей общественного бытия весит на весах истории не меньше, чем прямое воплощение положительных идеалов.

Мы были бы глубоко неправы, если бы, скажем, в творчестве Щедрина не сумели увидеть положительных идеалов русской революционной демократии с той же отчётливостью, как в творчестве Чернышевского или Некрасова, хотя «положительного героя» в творчестве Щедрина и нет.

Как известно, планета Нептун была открыта одновременно двумя астрономами. Один увидел её, исследуя сквозь мощный телескоп звёздное небо. Другой совершил

свое открытие за письменным столом, вычисляя те отклонения в ходе светил, которые свидетельствовали о присутствии рядом с ними мощного, ещё не увиденного воочию небесного тела. Тот, разный по методу, по художественному выражению сатирический пафос, с которым не только Щедрин, но и Чехов изображали жизнь всех классов, всех слоёв буржуазно-помещичьей России как разнохарактерное отклонение от нормы, несомненно, имеет в своей основе — более ясное у Щедрина, гораздо менее ясное у Чехова — знание о великих силах, которые ещё не явлены современникам, но вызывают в недрах истории и определяют ход событий в будущем.

Отсюда и страстность социально-педагогического пафоса Чехова, который неустанно указывал своим современникам на несоизмеримость их стремлений, характера, жизни с теми ещё не явленными и неясными самому художнику силами, по которым должна бы была равняться «нормальная» человеческая жизнь.

В эпоху реакции рядовому члену общества было очень соблазнительно переложить ответственность за социальное зло на царя, помещика, капиталиста, «красноносого урядника», наконец, и успокоиться в сознании своей пассивной и беспомощной «честности». Чехов всем своим творчеством ратовал против такой «самоуспокоенности».

Творчество Чехова вносило в общественную жизнь тревогу, беспомощно определяло истинную цену всех попыток «объехать историю на кривой», спрятаться в ракушку личного благополучия или «малых дел».

Это социально-этическое начало творчества Чехова, бесконечно близкое советским людям, раскрыто в книге В. Ермалова очень хорошо. Работа В. Ермалова над Чеховым идёт в правильном направлении. Остается только пожелать, чтобы в дальнейшем он устранил ошибочные преувеличения и неточности, которые есть сейчас в его книге.